

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф66

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Фицджеральд, Фрэнсис Скотт.

Ф66 Загадочная история Бенджамина Баттона : [сборник : перевод с английского] / Фрэнсис Скотт Фицджеральд. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-101138-3

«Ледяной дворец», «Загадочная история Бенджамина Баттона», «Две вины», «Жозефина, женщина с прошлым», «Сумасшедшее воскресенье» и другие абсолютно разные и необычайно талантливые рассказы Фрэнсиса Скотта Фицджеральда...

Фицджеральд, владевший искусством «малой» прозы в совершенстве, с легкостью экспериментировал с разными ее стилями и направлениями.

В этот сборник вошли произведения, написанные им в разные годы и позволяющие читателю составить полное представление о многогранности его таланта в жанре рассказа — от изысканного магического реализма и гротеска до глубокого психологического реализма и острой сатиры.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Перевод. А. Архангельская, наследники, 2016
Школа перевода В. Баканова, 2016
© Перевод. И. Бернштейн, наследники, 2016
© Перевод. В. Вебер, 2016
© Перевод. Л. Володарская, наследники, 2016
© Перевод. М. Литвинова, 2016
© Перевод. В. Муравьев, наследники, 2016
© Перевод. Т. Озерская, наследники, 2016
© Перевод. В. Харитонов, наследники, 2016
© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2016
© Перевод. А. Яврумян, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-101138-3

ЛЕДЯНОЙ ДВОРЕЦ*

I

Дом был облит золотистой охрою, словно декоративная ваза, и редкие пятачки тени давали особенно почувствовать напор затопляющего света. Дома ближайших соседей, Баттеруортов и Ларкинов, прятались за высокими раскидистыми деревьями, а дом Хэпперов стоял на самом солнцепеке и целый день с добродушным терпением караулил пыльную дорогу. Место действия — Тарлтон, в самом южном углу штата Джорджия, время — сентябрь, полдень.

Сверху, из спальни, опустив на подоконник подбородок, девятнадцатилетняя Салли Кэррол Хэппер наблюдала за стареньким «фордом» Кларка Дарроу, свернувшим к их дому. Автомобиль дышал жаром, солнце и мотор нещадно накалили его металлические части, и сам Кларк Дарроу, со страдальчески-напряженным выражением оцепеневший за рулем, ощущал себя частью механизма, и притом весьма ненадежной. Под протестующий скрежет колес он осторожно переехал присыпанную пылью наезженную колею, потом, ожесточившись лицом, до отказа вывернул баранку и в целости доставил себя и автомобиль почти к порогу дома. Мотор издал жалобное агонизирующее бормотание, наступила тишина, и воздух разрезал резкий свист.

* © Перевод. В. Харитонов, наследники, 2016.

Сонными глазами смотрела вниз Салли Кэррол. Ей захотелось зевнуть, но для этого требовалось поднять голову, и, подавив зевок, она продолжала молча созерцать автомобиль, между тем как его владелец, застыв в картинно скучающей позе, ждал ответа. В следующую минуту новый свист пронзил пыльное безмолвие.

— Доброе утро.

Кларк ужом потянулся из кабины и скосил глаза на окно.

— Утро ты уже проспала, Салли Кэррол.

— Правда?

— Что делаешь?

— Яблоко ем.

— Поехали купаться?

— Можно.

— Тогда, может быть, поторопишься?

— Может быть.

Салли Кэррол глубоко вздохнула и с великой неохотой поднялась с пола, где остались следы ее занятий — обкусанное яблоко и раскрашенные для сестренки бумажные куклы. Она подошла к зеркалу, не спеша и с удовольствием полюбовалась на свое приветливое отражение, мазнула помадой губы, припудрила нос и накрыла коротко стриженную русую голову соломенной шляпкой с розочками. Под ноги ей попало блюдо с водой от красок, она чертыхнулась, но прибираться не стала и вышла из комнаты.

— Как дела, Кларк? — спросила она минуту спустя, ловко перепорхнув через бортик кабины.

— Превосходно, Салли Кэррол.

— Куда мы едем?

— На пруд к Уолли. Я обещал Мэрилин заехать за ней и Джо Юингом.

Кларк был смуглый, поджарый, немного сутулился при ходьбе. У него был колючий взгляд и довольно неприветливое лицо, пока он не улыбнется, а улыбался он

светло и часто. Кларк имел «доход», которого ему едва хватало на себя и на бензин, и, окончив технический колледж своего штата, он третий год сонно слонялся по мирным улочкам родного городка, делясь планами, как выгоднее поместить свой капитал.

Убивать время оказалось совсем не трудным делом; прекрасно поднималась молодая девичья поросль, и всех ярче цвела необыкновенная Салли Кэррол; подруг не приходилось упрашивать съездить купаться, сходить на танцы, поамурничать душистыми летними вечерами, и Кларка они все буквально обожали. От пресыщенности женским обществом спасали приятели, которые собирались в самом скором времени заняться делом, а пока были всегда не прочь составить компанию в гольф или бильярд, посидеть за четвертой пшеничной. Время от времени кто-нибудь из них перед отъездом в Нью-Йорк, Филадельфию или Питтсбург делал прощальный обход друзей, но основную массу навсегда засасывал этот рай, где небо навевало грезы, сумерки высыпали светляков, на ярмарках шумели негры и, главное, где водились такие нежные, с мелодичными голосами девушки, прошедшие бесплатную школу семейных преданий.

«Форд» завелся, закипая от раздражения, и Кларк и Салли Кэррол, поднимая пыль, с треском пронеслись по Вэли-авеню и выкатились на мостовую Джефферсон-стрит; миновав редкую россыпь особняков на поверженной в сон Миллисент-плейс, дорога устремила в центр города. Здесь уже ехать было небезопасно — самое людное время; прохожие беспечно толклись на мостовой, с черепашьей скоростью тянувшийся трамвай гнал перед собой протяжно мычавшее стадо; казалось, и магазины вот-вот сморит глубокий сон — так откровенно зевали их двери и шурились от света витрины.

— Салли Кэррол, — подал голос Кларк, — это правда, что ты помолвлена?

Она быстро взглянула на него:

— Кто тебе сказал?

— Значит, правда?

— Ничего себе вопрос!

— Одна знакомая сказала, что ты помолвлена с янки, с которым познакомилась прошлым летом в Ашвилле.

Салли Кэррол вздохнула:

— Не город, а старая сплетница.

— Не выходи за янки, Салли Кэррол. Что мы без тебя будем делать?

Салли Кэррол минуту помолчала.

— За кого же прикажешь выходить? — спросила она.

— Предлагаю свои услуги.

— Милый, — развеселилась она, — где тебе содержать еще и жену? И потом, я слишком хорошо тебя знаю, я не смогу влюбиться в тебя.

— Это не причина, чтобы выходить за янки, — настаивал Кларк.

— А если я его люблю?

Он покачал головой:

— Это невозможно. Он не нашей породы.

Автомобиль стал перед широко раскинувшимся ветхим домом, и разговор прервался. На пороге появились Мэрилин Уэйд и Джо Юинг.

— Здравствуй, Салли Кэррол!

— Привет!

— Как жизнь?

— Салли Кэррол, — спросила Мэрилин, когда машина тронулась, — ты помолвлена?

— Господи, откуда это все пошло? Хоть не смотри на мужчину — сразу весь город объявит женихом и невестой.

Зацепив взглядом гайку над дребезжавшим ветровым стеклом, Кларк неотрывно глядел вперед.

— Салли Кэррол, — с неожиданным чувством спросил он, — ты что, не любишь нас?

— Кого?

— Ну, всех нас?

— Ты сам знаешь, Кларк, что я вас люблю. Я всех здесь обожаю.

— Тогда зачем выходить замуж за янки?

— Не знаю, Кларк. Я еще ничего не решила... только мне хочется поездить, посмотреть людей. Я хочу развиваться, увидеть настоящую жизнь.

— Что-то я не пойму.

— Я вас всех люблю, Кларк, — и тебя, и Джо, и Бена Эррота, но у вас впереди...

— Одни неудачи, что ли?

— Да. Я даже не про деньги говорю, в вас вообще есть что-то незадачливое, грустное... не могу я тебе объяснить.

— И все потому, что мы остаемся в Тарлтоне?

— Конечно, Кларк, и еще потому, что вам здесь нравится, что вы ничего не хотите менять, не хотите думать, стремиться.

Он кивнул, и она сжала его руку.

— Я бы и не хотела видеть тебя другим, Кларк, — мягко выговорила она. — Ты очень славный. Я никогда не перестану любить все, из-за чего ты пропадаешь, — что ты живешь вчерашним днем и вообще коптишь небо, что ты такой безалаберный и добрый.

— И все равно уезжаешь?

— Да, потому что я никогда не смогла бы выйти за тебя замуж. Никто не займет твоего места в моем сердце, но если я здесь останусь, я не буду знать покоя. У меня будет такое чувство, словно я заживо себя схоронила. Понимаешь, во мне две души. Ты любишь ту, которая все время спит; а на другую нет угомона, из-за нее я бываю как сумасшедшая. И в других краях она может мне пригодиться, она будет при мне и тогда, когда я утрачу свою красоту.

Порыв прошел, она оборвала себя и, сразу загрустив, вздохнула:

— Да что говорить...

Медленно опустив голову на спинку сиденья, она подставила пахучему ветерку полуприкрытые ресницами глаза и растрепавшиеся стриженные волосы. Они уже выехали из города, с обеих сторон их обступало изумрудное буйство кустарников и травы, высокие деревья осеняли дорогу милосердной крапчатой тенью. По пути попадались убогие негритянские хижинки с обязательным седым стариком, курившим кукурузную трубку на порошке, и стайкой полуголых негритят, прогуливавших по некошеной траве перед домом своих растерзанных кукол. Вдалеке, изнемогая, лежали хлопковые поля, и даже работники казались бесплотными тенями, которые сошлись не поработать, а кое-как исполнить некий обряд, издревле принятый здесь в эту пору. И все это сонное царство, эти деревья, лачуги и мутные реки затоплял зной, который был не наказанием, а милостью неба, одарявшего землю материнским теплом.

— Приехали, Салли Кэррол!

— Ребенок спит без задних ног.

— Отмучилась, бедняжка, лень ее сгубила.

— Вода, Салли Кэррол! Холодненькая!

Она открыла сонные глаза.

— Надо же, — улыбнувшись, пробормотала она.

II

В ноябре из своего северного города приехал на четыре дня Гарри Беллами — высокий, широкоплечий, энергичный. В его планах было решить вопрос, остававшийся открытым с лета, со времени их встречи в Ашвилле. И вопрос решился быстро — хватило нескольких безмятежных полуденных часов и вечера у жаркого камина. Гарри Беллами подходил ей по всем статьям, не говоря уж о том, что она его любила, то есть предназначенной

для этого стороной ее души он завладел всецело. А в душе Салли Кэррол всему было свое место.

Перед его отъездом они под вечер пошли гулять, и она почувствовала, как ноги сами ведут ее любимым маршрутом — на кладбище. Ласковое закатное солнце серебрило камни, золотило зелень, и у железных ворот она в нерешительности остановилась.

— Ты не меланхолик, Гарри? — со слабой улыбкой спросила она.

— Упаси бог!

— Тогда пойдем. Некоторые кладбища не любят, а мне нравится.

Они прошли в ворота и по дорожке углубились в волнистую долину могил; пятидесятые годы лежали пепельно-серые, неприбранные; семидесятые щеголяли причудливой лепкой цветов и урн; девяностые поражали воображение страховидной красотой — на каменных подушках тяжелым сном спали упитанные мраморные херувимы, свисали гирлянды безымянных гранитных цветов. Кое-где у холмиков стояли на коленях женщины с живыми цветами в руках, большинство же могил оставались непо потревоженными, и прелые листья на них источали аромат забвения.

Они поднялись на вершину холма и подошли к высокому круглому могильному столбику, испещренному пятнами сырости и наполовину скрытому выющим кустарником.

— Марджори Ли, — прочитала она. — Тысяча восемьсот сорок четыре — тысяча восемьсот семьдесят три. Подумать только! Умерла в двадцать девять лет. Милая Марджори Ли. Ты ее представляешь себе, Гарри?

— Да, Салли Кэррол.

Ее рука скользнула в его ладонь.

— Мне кажется, она была брюнетка, вплетала в волосы ленту и носила пышные юбки небесно-голубого или темно-розового цвета.

— Да.

— Какая она была душенька, Гарри! Так и видишь, как она стоит на террасе с колоннами, встречая гостей.

Наверное, многие мужчины надеялись после войны найти с ней свое счастье. Только был ли такой счастливец? Он склонился ближе, всматриваясь в надпись на камне.

— Про мужа ничего нет.

— Разумеется, так гораздо лучше. Просто «Марджори Ли» и эти красноречивые цифры.

Она приникла к нему, и у него перехватило в горле, когда ее золотые волосы коснулись его щеки.

— Правда, ты видишь ее как живую, Гарри?

— Вижу, — мягко согласился он. — Я вижу ее твоими чудесными глазами. Ты прекрасна сейчас, и, значит, она тоже была такая.

Притихшие, они стояли совсем рядом, и он чувствовал, как слегка вздрагивают ее плечи. Набегал порывистый ветерок, трепал мягкие поля ее шляпы.

— Пойдем туда.

Она указала на противоположный склон холма с широкой луговиной, где на зеленом ковре побатальонно, в затылок выстроились бесконечные ряды серовато-белых крестов.

— Это конфедераты, — пояснила Салли Кэррол.

Они шли и читали надписи — там были только имена и годы жизни, а иногда вообще ничего нельзя было разобрать.

— Последний ряд — вон тот — самый грустный, там на каждом кресте только год смерти и надпись: «Неизвестный».

Она взглянула на него полными слез глазами.

— Не могу тебе объяснить, какое это все настоящее для меня.

— Мне очень нравится, что ты так относишься к этому.

— При чем здесь я? Это все они, вся эта старина, которую я пыталась сохранить в себе живой. Они были люди как люди, самые обыкновенные, если о них написали «неизвестный»; но они отдали свои жизни за самое прекрасное на свете — за обреченный Юг. Понимаешь, — голос ее дрожал, и в глазах стояли слезы, — люди не могут жить без мечты, вот и я росла с нашей, здешней мечтой. Это было очень легко — ведь то, что умерло, уже никогда не разочарует нас. Я просто тянулась быть похожей на них; все это уходит, гложет, как розы в запущенном саду, только и осталось, что проблески рыцарства у некоторых наших мальчиков, истории, которые мне рассказывал сосед-конфедерат, и десяток стариков негров. Ах, Гарри, в этом что-то было, было! Я никогда не сумею объяснить тебе этого, но это так.

— Я все понимаю, — снова заверил он ее.

Салли Кэррол улыбнулась и вытерла слезы кончиком платка, торчавшего из его нагрудного кармашка.

— Милый, ты не расстроился? Мне здесь хорошо, даже если я плачу, — у меня словно прибавляется сил.

Держась за руки, они медленно побрели прочь. Выбрав траву помягче, она потянула его вниз, и они уселись рядышком, прислонясь к развалинам низкой ограды.

— Скорее бы эти три старушки исчезли, — посетовал он. — Я хочу тебя поцеловать, Салли Кэррол.

— И я.

Они едва дождались, когда три согбенные фигуры скроются из виду, и она поцеловала его, и поцелуй длился вечность, поглотившую горе ее и радость и небо над головой.

Потом они медленно возвращались, по углам сумерки уже затевали с последним светом ленивую партию в шашки.

— Ты приедешь к середине января, — говорил он, — и пробудешь у нас хотя бы месяц. Не пожалеешь. В это

время у нас зимний карнавал, и если ты никогда не видела настоящего снега, то буквально попадешь в сказку. Коньки, лыжи, сани, салазки и всякие факельные шествия на снегоступах. Карнавала не было уже несколько лет, так что в этот раз будет что-нибудь потрясающее.

— А я не буду мерзнуть, Гарри? — спросила она.

— Конечно, нет. Нос у тебя, может, и замерзнет, но чтобы зуб на зуб не попадал — это нет. Мороз у нас крепкий, сухой.

— Я, наверное, тепличное растение. Мне никогда не нравился холод.

С минуты оба шли молча.

— Салли Кэррол, — спросил он, медленно выговаривая слова, — что ты скажешь насчет... марта?

— Скажу, что я тебя люблю.

— Значит, в марте?

— В марте, Гарри.

III

Ночью в вагоне было очень холодно. Она вызывала проводника, просила еще одно одеяло, но лишних не было, и, сжавшись калачиком, она дрожала под сложенным вдвое одеялом, пытаясь поспать хотя бы несколько часов. Ей хотелось выглядеть утром получше.

Она поднялась в шесть, неловко натянула остывшую одежду и, покачиваясь на нетвердом полу, направилась в ресторан выпить чашку кофе. В тамбуры надуло снега, пол покрылся скользкой наледью. Мороз — удивительная вещь, он проникал всюду. При выдохе с губ отлетало облачко пара, и она немного подышала просто так, из интереса. В ресторане она через окно разглядывала белые холмы и долины, одинокие сосны, держащие в зеленых лапах холодное снежное яство. Порою мимо пролетала одинокая ферма, невзрачная, промерзшая, затерянная в белесой пустыне; и каждый раз у нее по

телу пробегали мурашки от сострадания к людям, до весны замураванным в своих углах.

Пробираясь из ресторана в свой вагон, она ощутила внезапный прилив сил и решила, что это, верно, и есть тот бодрящий воздух, о котором говорил Гарри. Вот он какой, Север, и теперь это тоже ее родина.

Дуй ветер, крепчай,
Мои паруса надувай, —

распираемая восторгом, пропела она.

— Что вы сказали? — вежливо осведомился проводник.

— Попросила почистить пальто.

Телеграфные провода теперь побежали парами, сбоку легли две колеи, потом их стало три, четыре; потянулись дома с убеленными крышами, мелькнул трамвай с наглухо замерзшими стеклами, улицы, перекрестки. Город.

Растерянно ступила она под своды выстуженного вокзала и увидела торопившиеся навстречу три фигуры в мехах.

— Вот она!

— Салли Кэррол!

Салли Кэррол опустила чемодан.

— Привет!

Смутно знакомое, холодное, как ледышка, лицо наклоняется к ней, целует; встречающие окружают ее, словно курильщики выдыхая клубы пара, трясут руку. С Гарри пришли его брат Гордон, коренастый тридцатилетний бодрячок, неискусная и уже потускневшая копия Гарри, и его жена Майра, анемичная блондинка в меховом шлеме. Салли Кэррол сразу почудилось в ней что-то скандинавское. Радушный шофер завладел ее чемоданом, Майра вяло и невнимательно радовалась встрече, и, бестолково шумя, компания вывалилась на улицу. Машина колесила по лабиринту занесенных сне-

гом улиц, где хозяйничали мальчишки, цепляя салазки к фургонам и автомобилям.

— Глядите! — закричала Салли Кэррол. — Я тоже хочу. Это можно устроить, Гарри?

— Детская забава. Можно, конечно...

— А как было бы здорово, — огорчилась она.

На белоснежном ковре просторно расположился деревянный дом, и здесь, в родных пенатах Гарри, ее представили крупному седовласому господину, который ей сразу понравился, и даме, похожей на яйцо и удостоившей ее поцелуем. Целый час стоял невообразимый переполох, смешавший в одну неразбериху обрывки фраз, горячую ванну, яичницу с беконом и чувство общей смущенности. Наконец они с Гарри уединились в библиотеке, и она призналась, что ей хочется курить.

В просторной комнате с изображением мадонны над камином вдоль стен протянулись ряды книг, мерцавших и горевших золотым тиснением на рубиновых корешках. На спинки кресел были наброшены кружевные салфеточки под голову, стояла вполне удобная софа, книги — пусть не все, явно побывали в руках, и Салли Кэррол вдруг мысленно увидела их бестолковую старенькую библиотеку — отцовы медицинские фолианты, портреты трех ее двоюродных дедушек в простенках и старый диван, который уже полсотни лет не перетягивали, но как сладко мечталось на нем. В этой комнате поражало то, что в ней не было ни хорошо, ни плохо. Просто выставка дорогих вещей не старше пятнадцати лет.

— Ну, как тебе у нас? — нетерпеливо спросил Гарри. — Непривычно? Не разочаровалась еще?

— В тебе — нет, Гарри, — тихо обронила она и протянула ему руки.

Мельком поцеловав ее, он снова воззвал к проявлению восторгов.

— А сам город, город тебе нравится? Воздух какой здоровый!

— Гарри, — рассмеялась она, — дай мне оглядеться. Не требуй от меня всего сразу.

Затянувшись сигаретой, она облегченно передохнула.

— Я хочу кое о чем попросить тебя, — смущаясь, заговорил он. — Для вас, южан, вся жизнь упирается в семью, в традиции, и я не говорю, что это плохо, только у нас все немного иначе. Понимаешь, многое из того, что ты увидишь, поначалу покажется тебе даже вульгарным, но ты не должна забывать, что у нашего города на веку всего три поколения. У нас у каждого есть отец, а половина города может похвастаться дедушками, но дальше наша родословная обрывается.

— Понятно, — проронила она.

— Город основали наши деды, и чем только не приходилось им тогда заниматься. Есть, например, одна дама, сейчас она своего рода законодательница общества, — так ее отец был мусорщиком... Всякое бывало.

— Погоди, — озадаченно сказала Салли Кэррол, — ты боишься, что я стану судить людей, что ли?

— Да нет же, — поспешил сказать он, — я и сам нисколько не стыжусь их. Понимаешь... тут прошлым летом гостила одна девушка, тоже с Юга, и что-то она ляпнула некстати... и я решил тебя предупредить.

Салли Кэррол вся вспыхнула от возмущения, словно ее ни за что ни про что отшлепали, но Гарри, видимо, счел предмет исчерпанным, с воодушевлением переменяя тему:

— У нас сейчас затевают карнавал. Впервые за десять лет. Строят настоящий ледяной дворец, такого с семьдесят пятого года не было. Из блоков отборного, прозрачнейшего льда. Грандиозно!

Встав, она подошла к окну и раздвинула тяжелые ворсистые портьеры.

— Гляди! — воскликнула она. — Два малыша лепят снежную бабу. Может, я выйду им помочь?

— Выдумщица! Лучше поцелуй меня.